

Гия Канчели: «Мне все равно, как принимают мои сочинения»

Известный композитор уверен, что писать можно только для себя

Инна Кулишова
Тбилиси

Изабелла — 1904 — 6 авг. — С 7

В Москве Гия Канчели в начале июля выпустил, как обычно, вместе с Робертом Стуруа премьеру «Ромео и Джульетты». Кроме того, успел еще и в больнице полежать. А вообще Канчели живет и работает в Антверпене, который напоминает ему родной Тбилиси, где и состоялось это интервью. Он и говорит медленно, вдумываясь, а не напоказ — красивые «натренированные» слова, эффектные фразы, которые хорошо бы смотрелись в интервью, не в его натуре. Это его специальность: хорошо слышать.

— Господин Канчели, вы сказали, что дописываете музыку за людей, живших в XIV–XVI вв., заполняя это пространство, и больше думаете о прошедших временах...

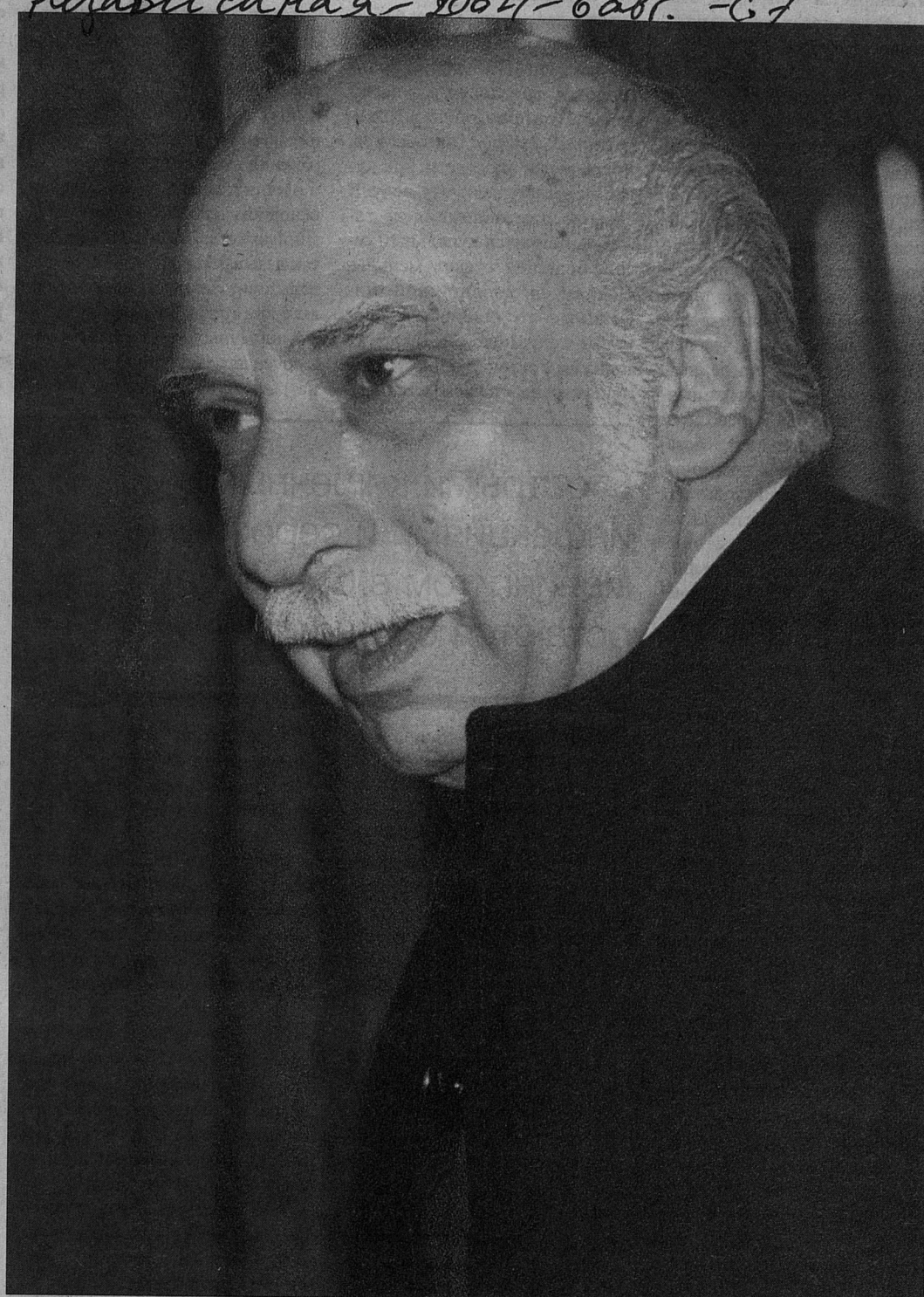
— Если остались какие-то незаполненные ниши по разным причинам, я стараюсь в меру своих возможностей их заполнить. И когда спрашивают о будущем, я всегда предпочитаю говорить о прошлом. Время, в котором я бы предпочел жить, — конец XIX — начало XX столетия. Это сравнительно спокойное время: до начала Первой мировой войны, когда еще не ушли экипажи и появились первые машины, и они сосуществовали вместе.

— Вам не страшно за будущее музыки?

— Абсолютно нет. Если говорить о музыке того же Баха, то можно было бы поставить черту и больше этим не заниматься, потому что превзойти это невозможно. Но тем не менее появились Бетховен, Моцарт, Гайдн, Шуберт и т.д. Процесс нескончаемый, он будет продолжаться и в будущем.

— Когда Стравинского спросили: «Для кого вы пишете?», он ответил: «Для себя и своего воображаемого альтер эго». А вы?

— Я думаю, что каждый здравомыслящий творец пишет для себя. Что значит писать для кого-то? В советские времена в огромных количествах появлялись кантаты, песни о родине, произведения, восхваляющие вождей, партию — словно они вставали утром, занимались утренним туалетом, завтракали и потом садились писать о родине. Я, например, никогда не об-

Композитор Гия Канчели больше всего на свете любит тишину.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

очень приятно. Бывает тишина безразличная.

— Вы бы позволили исполнять свои сочинения людям, которым не доверяете нравственно, но высоким профессионалам?

— Я не могу ответить на этот вопрос по той простой причине, что передо мной он еще не стоял. Когда кто-то хочет сыграть мою музыку, обращается не ко мне, а в мое издательство. И оно им высылает материал. И моя музыка

ми вопросами, которые для меня как бы и не существовали. Моя супруга меня оградила от этого. И я очень благодарен судьбе.

— Вы говорили, что звуки изматывают душу и жизнь и что у вас не бывает пауз, но ведь от этого невозможно отказаться.

— Просто есть люди, которые могут, закончив одну большую работу, куда-нибудь уехать на две-три недели, отдохнуть, забыть обо всем. У меня, к сожалению, не получается: где бы я ни был, все равно постоянно думаю о том, что предстоит написать. А если мне, допустим, в тот момент ничего не предстоит, то я уже выстраиваю форму, драматургию какого-то сочинения, которого еще не существует. Я хочу сказать, что не перестаю об этом размышлять. И это очень утомительно, но я ничего не могу поделать, таких пауз, долгих, когда я могу отключиться, просто не бывает.

— Вы говорили, что влюблены в тишину...

— Просто... тишина для меня имеет очень большое значение... у меня какое-то особенное отношение к тишине, и я всегда стараюсь или в нее уходить, или из нее приходиться.

— По вашим словам, бывает формальная тишина и Божественная. Если немного пофантазировать... Как вы думаете, в аду и в раю какая тишина, и есть ли она?

— Не знаю. Я всегда завидую тем людям, которые это знают. Кто-то ведь говорит, что он считает: в раю такая тишина, а в аду такая. Абсолютной тишины не бывает. У Кейджа есть сочинение: выходит пианист, садится за рояль, сидит и потом уходит. Но и здесь абсолютной тишины не бывает, поэтому он и пошел на такой шаг. Всегда происходят какие-то дуновения, какие-то шорохи, что-то такое... Или ветер... Абсолютная тишина может быть в Мавзолее Ленина.

— Как звучит ваш родной город вблизи и на расстоянии?

— Я уехал, когда мне было 56 лет, а не 20, и ничего не могло измениться. Так же, как я уезжал в дома творчества и месяцами там работал, так же и сейчас сперва оказался в Берлине волею судьбы, там задержался, а потом переехал в Антверпен. Физически я нахожусь там, но всеми мыслями я в Тбилиси. ■

Историю музыки можно было закончить на Бахе

ращаю внимания на то, как бывает принято сочинение, а вот как его слушают — для меня является определенной оценкой. Тишина бывает очень разная при исполнении музыки — существует тишина, когда ощущаешь какое-то участие сидящих в зале, и дирижер бывает обычно проводником между оркестром и публикой. И такая звенящая тишина начинает жить, это

играется дирижерами, которых я не знаю, с которыми не знаком. Я даже не знаю, как это сыграно. Попадают хорошие дирижеры, которые вникают в суть музыки, а бывает наоборот, и, к сожалению, сочинение исполняется.

— Иногда приходится выбирать между жизнью и творчеством. Вам знакомо это?

— У меня так сложилась жизнь, что я меньше был занят бытовы-